

Наталья Масальская
В сердце тьмы

12+

Наталья Масальская

В сердце тьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67804776

SelfPub; 2022

Аннотация

История о девушке, ослепшей в результате автокатастрофы, которая не может найти в себе силы жить дальше.

Наталья Масальская

В сердце тьмы

Казалось, тьма пропитала меня насквозь. Ее холод и отчаяние струятся по моим венам. Ничего. Вокруг меня нет больше ничего, кроме этой темноты. Я не отличаю день от ночи. Я не могу спать. Стоит закрыть глаза, как я снова захлебываюсь в мерзлой воде, что выдавила лобовое стекло и стремительно наполняет салон маленького Шевроле.

Когда я, наконец, вынырываю из своего кошмара – слышу визгливые голоса соседок по палате, чувствую, как они косятся в мою сторону, как в отвращении кривят губы, на мгновение замолкая. Равнодушные голоса врачей: «Зрение не восстановится. Никогда». Только эти голоса отделяют мой день от ночи.

Все изменилось, когда пришел он – мой Король. Он тихо сел на край моей кровати: – Тоже не спится?

Растревоженная темнота, как стая ворон, тяжело поднялась в воздух, и вдруг стало легче дышать. – Кто здесь?

– Я – Матео, – теплая рука мягко обхватила мою ладонь. – Чувствуешь? Я здесь.

– Ты не видишь? Я слепая, – закричала я и вырвала руку из его ладони.

– Дайте поспать. Чего разорались, – слышались недовольные голоса.

Но я не могла успокоиться. Я резко села. Сердце билось, как сумасшедшее.

– Я слышу стук твоего сердца, – совершенно спокойно ответил он.

Чарующая мягкость его голоса вливалась в меня, успокаивая.

– Разве ты не знала – слеп тот, кто смотрит лишь глазами, по-настоящему увидеть можно только сердцем.

Его слова успокаивали. Я не помню, как провалилась в сон. На этот раз без сновидений.

Матео стал приходить ко мне каждую ночь. Он садился на край моей кровати и брал за руку. Он рассказывал мне о своей прекрасной стране.

– Вдвоем мы сможем победить.

– Кого? – спрашивала я, не в силах прервать музыку его голоса.

– Тьму, что поедает каждого из нас. Пойдем со мной.

Тогда я впервые увидела его. Из плотного морока выступило пятно света, и через минуту я увидела белоснежного единорога. В его длинную золотую гриву были вплетены звезды. Они чуть слышно звенели, как хрустальные колокольчики, стоило ему сделать шаг или наклонить голову. – Это Разящий, – с этими словами всадник подался чуть вперед. Золотые кудри мягкой волной обрамляли красивое юношеское лицо. Голубые глаза смотрели с интересом. – Это самое гиблое место в моем королевстве, что ты здесь делаешь?

– Мои ноги вязнут в жирной густой темноте, а крылья сгорели на беспощадном огненном ветру.

Он протянул мне руку и одним движением помог сесть на Разящего позади него.

– Куда мы едем?

– На поляне Отчаяния нас ждут друзья. Я собираю выживших, чтобы дать отпор тьме, что поглощает эти земли.

Мы не спеша двигались вперед. Ноги Разящего то и дело вязли в топкой темноте. Через некоторое время мы выехали на небольшую поляну. Вдалеке за редкими деревьями ярко горел костер. Когда мы подъехали ближе, я увидела двоих. Они сидели у огня и разговаривали.

– Это вся твоя армия?

Темноволосый парень в кожаных доспехах, закрывающих грудь и бедра, поверх обычных джинсов и футболки. Рыжая девчонка, похожая на Амазонку в коротких шортах, кожаном нагруднике и высоких сандалиях.

Мы спешили недалеко от огня. Матео отпустил Разящего и, подойдя к притихшим ребятам, представил меня как новенькую.

– Грош. Кисуля, – по очереди представились ребята, протягивая мне руки.

Они оказались милыми. Даже не стали пытаться меня, как мое имя. Я просто не помню его. Я – никто, меня просто нет.

– Почему Грош? – спросила я прежде, чем уснуть. Мы с Матео лежали друг напротив друга в теплых спальнях

мешках, из которых наружу выглядывали только наши лица, освещенные светом догорающего костра.

– В этом его суть, – закрывая глаза, ответил он.

– Тогда суть Кисули в том, что она – Кисуля? – усмехнулась я.

– Да, – ответил Матео и, перевернувшись на спину, зевнул. – А в чем твоя суть? – смолкая, спросил он и, казалось, сразу засопел.

Моя суть?

– Эй, не хочешь размять ноги? – в голосе Матео звучала улыбка. Мои соседки притихли. Наверное, подслушивали нас.

– Я? Я не смогу.

Но Матео откинул край моего одеяла и опустил мои ноги на пол прежде, чем я успела возразить. Выбора не было – нужно идти. Хотя бы для того, чтобы этим болтливым курицам было, о чем сплетничать следующие пару дней. Я осторожно встала. Ноги не слушались меня. Я так долго лежала, что забыла, как ходить. Матео не торопил. Он взял меня под руку и медленно шел рядом.

– Новенькая? – слышался девчачий голос. – Не спалит? Воздух был пропитан едким сигаретным дымом.

– Грош, уступи даме место, – попросил Матео и через минуту осторожно посадил меня, кажется, на подоконник.

– Вы, что, курите в туалете? – не выдержала я.

– Хочешь затянуться?

Уверена, это был голос Кисули. Я протянула руку, и между пальцев мне легла тонкая сигарета. Я затянулась и тут же закашлялась.

– Никогда не курила, – оправдывалась я и быстро протянула сигарету обратно.

– Затянись еще. Все норм.

– Кисуля, не развращай хороших девочек.

– Заткнись, Грош. Я, может, тоже когда-то была хорошей девочкой.

– Кисуля? – не выдержала я.

– Вообще, Крис. Кисуля – для друзей.

Она забрала у меня из руки сигарету, и воздух снова наполнился едким дымом, что разъедал глаза.

– Матео, открой окно, спалят же.

Со скрипом повернулась ручка. Оконная рама некоторое время сопротивлялась и, наконец, с дребезжанием открылась. Внутри ворвался свежий запах сирени. Неужели весна?

– Черт, Грош, уже третья. У тебя и так одно легкое осталось.

– Да и этого уже нет, – безразлично ответил он и щелчком отстрелил окурочек в окно. – А так хоть посмолю напоследок, – усмехнулся он.

Каждый день мы торчали в туалете или в небольшом заброшенном дворике позади хозблока. Нам было хорошо. Никто не лез в душу. Мы дурачились, курили, а еще воровали

булки из столовой. Я, как самая глазастая, стояла на шухере. Мне было смешно и страшно. Мой слух обострился, как у летучей мыши. Казалось, я слышу, как со старой черемухи у главного входа облетают, подхваченные порывом ветра, лепестки.

По ночам Матео забирал меня в Забвению, и наша четверка продолжала поиски колдуньи, что знает то самое слово. Я долго думала о нем. Что это было за слово, что могло прогнать тьму?

Вязкая черная топь закончилась. Мы вышли на место, куда еще не добралась тьма. Здесь было много света и цвета. Я в жизни своей не видела столько цвета: такая сочная трава, такие белые цветы, такое голубое небо.

– Там, на опушке, – Матео указал пальцем на окутанную зеленовато-белой дымкой липовую рощу.

И правда, спрятанный за густыми зарослями выюнка оказался небольшой дом. Весело смеясь, мы бросились наперегонки в долину. Разящий, осыпая нас звездной пылью, несся впереди.

Вдруг поднялся ветер. Он опалял жаром наши спины, цеплял за волосы и одежду.

– Тьма, – крикнул Матео, обернувшись на остальных.

Ее безобразная черная морда смотрела на нас налитыми кровью глазами. Из оскаленной пасти тягучими сгустками стекал огонь, только что утоливший голод сухим деревом.

Первым упал Грош. Когда остальные поняли, что произо-

шло – Тьма уже поглотила его. Кисуля, резко развернувшись, бросилась ему на помощь, но Тьма схватила и ее. Нам чудом удалось вырвать Кисулю из ее цепких лап, и мы бросились к дому.

– Он зачарован! – закричал Матео, крепко сжав мою руку. – Скорее.

Кисуля курила молча. Нервно затягиваясь так, что огонек на конце ее сигареты ярко вспыхивал, с шипением пожирая табак и бумагу. Я чувствовала, как она дрожит, как тушь слезами стекает по ее щекам.

– Хочу танцевать, – глухо выдохнула она и, бросив окурочок на пол, поднялась на ноги.

На следующий день Матео стащил с дежурного поста старенький магнитофон, и мы всю ночь танцевали.

– Можно?

Продолжая медленно двигаться под музыку, я положила пальцы на лицо Матео. Подбородок с ямочкой, прямой нос, пушистые ресницы, красивый высокий лоб. Он вдруг обхватил мое запястье рукой и через пару мгновений поцеловал тыльную сторону моей ладони.

– Что ты видишь?

– Тебя – мой Король.

Я положила голову ему на плечо, и лицо мое щекотали легкие зеленовато-белые лепестки, сорванные порывом ветра с лип.

Колдуньи в доме не оказалось. Почти всю долину поглотила тьма, оставив лишь несколько метров перед домом. Матео усадил раненную Кисулю на Разящего, и мы двинулись в путь. Все молчали. Без Гроша, нас осталось только трое.

Как бы быстро мы ни двигались, тьма лизала нам пятки. Проклятие, которым она наградила Кисулю, распространилось с руки на грудь и поползло выше. Но Кисуля молчала, она – боец, но то, что я. Копыта Разящего снова вязли в вязком тумане, а краски дня маячили где-то вдалеке, маня нас к себе, как призрачный мираж посреди пустыни.

– Ты же знаешь, где еще может быть колдунья? – спросила я Матео, стараясь не выдать своего волнения.

Он вдруг остановился и, взяв меня за плечи, посмотрел в глаза.

– А что говорит тебе сердце?

Я хмурила брови, не понимая, о чем он. Что я могу знать? Даже имени своего не помню. Он приложил руку к моей груди. Изнутри начала подниматься горячая волна, словно восторг, что не умещался внутри, он выступал на глазах слезами, размывая мир вокруг. Перед глазами мелькали картинки: мама кладет меня в кроватку, она улыбается мне. Папа учит кататься на велосипеде, первый поцелуй, вода с напором выдавливает лобовое стекло маленького Шевроле...

– Нет, — закричала я, отталкивая Матео. — Я не могу. Я не хочу...

– Ты можешь, — спокойно ответил он. — Внутри тебя есть

то, что поможет прогнать тьму. Не бойся этого. Это богатство, которым одарила тебя жизнь. Люди, что коснулись твоей судьбы, они обогатили ее своими страданиями и своей любовью. Не бойся, – прошептал мне на ухо. Лишь ты видишь сердцем. Ты знаешь путь.

– Знаешь, я полюбила звук постукивания ногтя об ампулу, – усмехнулась Кисуля.

Я дождалась, когда медсестра сделает ей укол морфия и выйдет.

– Можно? – я осторожно нащупала край ее кровати и села.

– Помнишь, ты сказала, что единственное, по чему действительно скучаешь – волосы?

– Очуметь, – протянула Кисуля, забирая у меня из рук парик.

– Его передал для тебя Матео.

– Как тебе? – с восторгом спросила она.

– Ты очень, очень красивая. Можно?

Я дотронулась кончиками пальцев до ее лица, как несколько дней назад до лица Матео.

– Знаешь, все, что осталось от меня прежней, это – глаза, – с какой-то щемящей грустью в голосе сказала Кисуля.

– Какие они? Нет, не отвечай. Зеленые, как у кошки.

– Ты точно видишь сердцем. Знаешь, как называл меня Грош, когда мы ссорились? Бешенный сфинкс. – усмехнулась она. – Скоро увидимся, придурок.

Уже несколько дней мы шли по серым, окутанным туманом землям. Иссохшие в нестерпимом зное деревья и редкие каменные насыпи – вот все, что мы видели на своем пути. Я все больше волновалась, правильно ли выбрала дорогу, что Матео ошибся насчет меня. Но ни одним словом мои спутники не выказывали своего недоверия. Все, понурив голову, брели вперед. Кисуля едва держалась в седле – нужен привал.

Мы расположились за небольшой каменной насыпью и едва нашли дрова для костра. Кисуля почти все время спала. Вот и сейчас она лежала в спальнике Гроша и тихо бредила во сне. Разящий, переминаясь в ноги на ногу, стоял неподалеку. Он то и дело вскидывал голову во сне, и сбруя его, украшенная самоцветными камнями, звенела в тишине.

– Как ты стал королем этих земель? – я дотронулась до руки Матео, пытаясь привлечь его внимание.

Он долго смотрел на еле тлевший костер, а потом вдруг развернулся ко мне.

– Это место прекрасно. Когда-нибудь ты поймешь это. Я хочу сохранить его. Для всех тех, кого люблю, кого помню, в кого верю. Ведь каждый человек – это целый мир, с континентами, городами и странами. Мир без условностей, где в тишине сердца ты можешь найти дорогих тебе людей. Стоит только захотеть.

Его голос, чарующий и нежный, проникал в меня, заполнял. Сегодня мы спали в одном спальнике. Словно не могли

оторваться друг от друга. Словно я жила лишь в те минуты, когда видела его глаза.

Проснувшись утром ни спальника, ни Кисули не было – лишь небольшая горка аккуратно сложенных камней.

– А где парик? – спросила я Матео.

Мы оба сидели на крыльце хозблока. На улице цвел май. Я слышала, как, лопаясь, раскрываются почки на деревьях, как птицы укладывают перья и веточки в свои гнезда, как жарко пахнет солнце.

– На ней. Она сказала родителям, что не хочет его снимать.

– Пообещай мне, – Матео поднялся на ноги, увлекая меня за собой, – что ты узнаешь то самое слово. Пообещай. Что бы со мной ни случилось. Как бы тьма ни преследовала тебя. Мы верим в тебя. Я, Грош, Кисуля. Слышишь?

– Да, я обещаю тебе. Да, – я целовала его мокрые от собственных слез руки. – Клянусь.

Я слышала его взгляд, я чувствовала его слова, они чуть заметно колебали душный воздух, как легкие крылья бабочки. Я и сейчас чувствую вкус его слов, помню притяжение его взгляда, знаю силу его любви.

Я нашла колдунью и сказала заветное слово. Тьма ушла навсегда. Я помню, как стояла посреди заднего двора больницы и, раскинув руки под проливным дождем, кричала:

– Вера. Меня зовут Вера.

Это было в тот день, когда тьма забрала Матео. Теперь каждый вечер перед сном я возвращаюсь к моему Королю. Он все еще на страже, со своими лучшими воинами – Кисулей и Грошем. Теперь, глядя вперед, я больше не боюсь увидеть тьму. Ей не добраться до этих земель, ведь у меня под сердцем бьется новая жизнь. Мне есть, кому передать заветное слово.